

Часть 1

Глава 1

Анна лежала в постели, с головой зарывшись под одеяло. Казалось бы, ничего такого, если не считать того, что на часах половина восьмого, вечер четверга, а она полностью одета к выходу, за исключением туфель. Где-то вдалеке надрывался дверной звонок. Как могла, она старалась не обращать на него внимания.

В кровать она забралась с полчаса назад и не имела ни малейшего желания вылезать оттуда в этот вечер. А может, вообще никогда. В ее коконе было хорошо. Все белое. Безмятежное. Сегодня мир был уж слишком ярким, слишком шумным. Каким-то чересчур жизнерадостным. А это было отличным выходом. Стоило додуматься до него раньше.

— Анна? — брякнул почтовый ящик.

Упорно вглядываясь в хлопковое полотно пододеяльника, она принялась считать его нити, переплетавшиеся прямо перед ее носом. Может, стоит задуматься о звукоизоляции?

Голос раздался снова, уже громче:

— Эй ты, там! Я здесь. Открывай дверь!

Глубокое дыхание... Считается ведь, что это помогает сохранить спокойствие? Анна решила попробовать;

ей страшно не хотелось покидать объятия этого мягкого белого безмятежного полога. Одна беда, что глубоко дышать она разучилась уже давным-давно. А именно два года, девять месяцев и восемь дней назад.

Неужели прошло уже столько времени? Такое ощущение, что это было вчера.

Она перекатилась на свою половину кровати и, свернувшись калачиком, крепко зажмурилась.

В почтовом ящике снова раздался голос, но уже без прежних задорных ноток — в его тоне появилось раздражение. С некоторым оттенком отчаяния Анна досадливо выдохнула. Ее пузырь спокойствия был в опасности: весь пошел трещинами. Она попыталась представить, что этот назойливый шум был где-то не здесь, где-то в другой реальности. Хотя бы попыталась... Но вот голос смягчился, и в нем послышалась мольба:

— Анна? *Minha linda**? У тебя все в порядке?

Закрыв лицо руками, Анна издала звук, похожий не то на рычание, не то на вздох; заставила себя вытащить ноги из своего уютного гнездышка и нащупала ступнями пол. Следом за ними показалось все остальное, и, действуя больше на автомате, тело ее покинуло спальню, спустилось по лестнице и вышло в прихожую.

— Слава богу! — воскликнула Габриела, стоило Анне открыть дверь. — Я беспокоилась, вдруг ты свалилась с лестницы или заснула в ванной!

Подруга весело щебетала, принимая приглашение открытой двери, однако в ее смехе слышались фальшивые нотки, выдававшие напряжение, во взгляде застыли вопросы. Анна знала, что Габи не станет их задавать, но все равно их слышала: «У тебя ведь все в порядке, или мне пора начать всерьез беспокоиться?»

Последнее время в глазах всех знакомых — с кем ни заговори — Анна встречала вопросы. Зачастую одни и те

* Милая (*португ.*).

же. Но каждый боялся сказать что-то не то. Или не сказать то, что нужно. Приходилось быть очень осторожной, чтобы не ставить никого в неловкое положение.

Габи сунула Анне в руки контейнер с тортом:

— Захотелось маминого морковного торта, но, видно, погорячилась.

— Спасибо, — поблагодарила Анна, прижимая к себе контейнер, — уже не терпится открыть.

В исполнении подруги бразильская версия этого ярко-оранжевого торта в шоколадной глазури была просто восхитительна.

Глаза Габи наполнились тревогой и надеждой одновременно.

— Сейчас?

Это был не просто торт. Габи постоянно сетовала, что ее формы — это заслуга матери, для которой любовь к ближним приравнивалась к заботе об их сытости, при этом, казалось, не вполне догадывалась, насколько была на нее похожа.

— Конечно, — неуклюже кивнула Анна и унесла торт на кухню, подальше от глаз, в надежде, что это избавит ее от дальнейших уговоров.

Она ценила заботу своих друзей и родных, но устала от постоянного наблюдения, от того, что каждое ее слово и каждый жест пристально оценивали и взвешивали, чтобы иметь возможность сверить показания и ободрить друг друга крупными накопленными свидетельствами, что она наконец-то «идет на поправку».

Анна вернулась в прихожую, попав прямиком под пристальный взгляд Габи.

— Что ты сделала с прической?

Рука Анны потянулась к волосам — удлиненное каштановое каре было измято и взлохмачено на затылке. Анна попыталась как бы невзначай пригладить пряди рукой. Взглянуть в висевшее у входа зеркало она не осмелилась — не покидавшая дома с самого Рождества,

она боялась обнаружить там какую-нибудь бледную замарашку. В отличие от нее Габи выглядела безупречно. Темные волосы шелковистыми завитками обрамляли плечи, кобальтово-синее платье прекрасно гармонировало с теплым тоном ее кожи.

— Ты ведь готова к вечеринке? — взгляд Габи скользнул вниз по смятому маленькому черному платью Анны и чулкам. — До дружного «Счастливого Нового года!» остались считанные часы, и я не собираюсь опаздывать!

Счастливого Нового года...

Эх, будь ее воля, Анна бы слегка перекроила эту фразу. Для начала первое слово следовало отсечь и отправить в утиль. Однако «Новый год» оставался фактом. С этим она ничего не могла поделать. Хотелось ей того или нет — время неуклонно стремилось вперед, но говорить о счастье казалось просто нелепым, быть может, даже немного оскорбительным.

В порыве чувств Анна подумала, а не сбежать ли обратно наверх, под одеяло. Она повернулась к Габи, уже готовая извиниться и откланяться, но, встретившись с ней глазами, осеклась. Озадаченный от вида подруги и не на шутку встревоженный, этот взгляд таил нечто еще. Анна его узнала.

— Кажется, на этой вечеринке будет кто-то, кто тебе нравится? — спросила она. Так глаза Габи сияли, лишь когда в деле была замешана романтика.

— Нет, — невинно захлопала ресницами Габи.

Хмм. Анна верила в это с трудом.

— Не смотри на меня так, — насупилась Габи. — После Джоула я с мужчинами завязала, помнишь?

Анна слегка кивнула:

— Да, я помню, как ты это говорила.

А вот так ли это было на самом деле, уже другой вопрос. В эту самую секунду Анна готова была поставить двадцатку на то, что в эту полночь губы ее подруги не останутся одиноки.

Но Анна ей не завидовала. После расставания с Джоулом прошло почти пять лет. По правде сказать, Анну его уход не очень-то и расстроил: Габи он и в грош не ставил, но та видела это иначе и очень страдала. С той поры в ее жизни случилось несколько мимолетных романов. Габи нравились уверенные в себе парни, но зачастую эти «уверенные» оказывались «самоуверенными и эгоцентричными». А это не те качества, которые подходят для зрелых, продолжительных отношений.

— И это правда, — заверила Габи, так убедительно взглянув на Анну, что та почти поверила. — Ты готова?

Анна бросила взгляд на лестницу, ведущую к поджидавшему ее кокону-одеялу, и вздохнула. Пусть хоть у одной из них будет надежда на этот вечер, когда на смену старому наскучившему году придает свежая неизведанность следующего.

Усилием воли она заставила уголки рта изобразить подобие улыбки:

— Конечно. Подожди пару секунд. Я только захвачу пальто и надену туфли.

Глава 2

«В идеальном мире, — думала Анна, — я бы опаздывала на все вечеринки часа на полтора». В таком случае она бы пропускала их начало, пока все гудят, с оптимизмом предвкушая предстоящий вечер, слышатся возгласы приветствий, завязываются и ментально забываются новые знакомства.

Габи работала фуд-стилистом — занималась тем, что создавала для кулинарных изданий и разных журналов

дразняще аппетитные фотографии блюд. За годы работы она повидала большое количество самых разных людей, от фотографов и арт-директоров до издателей, стилистов и телеведущих. В тот вечер вечеринку устраивала калифорнийская эмигрантка, владевшая сетью салонов красоты на юге Лондона. Ванесса жила в Чизлхерсте, и чем ближе Анна подъезжала к ее дому, тем зеленее становились улицы и тем роскошнее смотрелись стоявшие на них дома. Дуплекс в Сандридж-парке, где жила Анна, был всего в паре миль отсюда, а по ощущениям — в совершенно другом мире.

С нетронутым бокалом шампанского в руках она таскалась за Габи по нижнему этажу стильного особняка. Как только той удавалось вынырнуть из одной компании восторженных экстравертов, ее тут же затягивали в другую, с кучей незнакомых Анне лиц. Она просто слонялась из угла в угол с дружелюбно-нейтральной маской, стараясь избегать встречных взглядов.

Явное преимущество от дружбы с более общительным человеком, который знает, казалось, процентов девяносто остальных гостей, заключалось в том, что вихрь разговоров носился вокруг Анны, подобно ручью, огибающему скалу, стоящую у него на пути, и ее это вполне устраивало. Ведь стоит завязаться непринужденной беседе, как обязательно начнутся вопросы, а она не очень-то их любила, особенно если они касались чего-то личного. Во всяком случае, ей уж точно не хотелось слышать вопрос:

— Эй, Анна! Как у тебя дела?

Приняв веселое выражение лица, она повернулась и заметила улыбавшуюся ей очередную творческую, интересную знакомую Габи.

— Оу, э-э-э, привет... — растерялась Анна. Отчасти потому, что не могла вспомнить имя этой женщины, но главным образом потому, что этот простой вопрос всегда приводил ее в замешательство. По натуре она бы-

ла человеком откровенным, вследствие чего, когда кто-нибудь спрашивал, как у нее дела, она автоматически отвечала правду.

Непростительная ошибка.

Когда-то она именно так и делала, пускаясь описывать, как каждая секунда дня мучительно вонзалась ей в сердце, как она в ужасе открывала глаза по утрам. Было приятно иметь возможность выговориться.

Однако вскоре она обнаружила, как при этих рассказах лица ее друзей принимали мрачное выражение, они вдруг начинали нелепо запинаться. Как правило, они выдумывали кого-то на другом конце комнаты, с кем им срочно требовалось переговорить, и торопливо уносили ноги.

Никого в действительности ее дела не интересовали. Только не теперь, после двух лет, девяти месяцев и восьми дней. Включая Габи. Их уши готовы были слышать лишь то, что она уже приходит в себя, что оправиться от подобной трагедии и продолжать жить дальше вполне возможно. Банальный эгоизм. В самом деле, ведь они спрашивали ее лишь затем, чтобы она дала им надежду. Спрашивали, чтобы лишний раз утвердиться в мысли, что, случись с ними что-нибудь столь же ужасное, со временем и у них бы все наладилось. Но у Анны ничего не налаживалось. Не было ни единого намека.

В ожидании ответа знакомая Габи нетерпеливо изогнула брови.

— Все путем, — кивнула Анна, отметив про себя — в который раз, — что скорбь превратила ее в ужасную врушку. — А ты как?

Женщина — Кейша! Ее звали Кейша — философски кивнула:

— Ой, да ты знаешь, все то же, все по-старому... — она сдвинула брови. — Я слышала... Ну ты поняла... Мне так жаль.

И тут она сделала худшее из возможного: сочувственно положила руку Анне на плечо. Прикосновение обожгло.

Анна готова была стряхнуть эту руку, осадить Кейшу грозным взглядом за преступление невидимой границы, но сдержалась.

— О, смотри! — сказала она, метнув взгляд в противоположный конец просторной глянцевой кухни. — Кажется, тебя ищет Ванесса.

Вообще-то хозяйки дома нигде не было видно, но ведь в «невидимого друга» можно играть и вдвоем. Еще секунду Кейша помедлила в нерешительности и, наскоро обняв Анну, поспешила прочь. Анна выдохнула и растворилась в противоположном направлении.

Она была рада обнаружить, что маленькая стрелка ее часов уже миновала девять, и от фазы «встреч и приветствий» гости перешли к следующей: разбившись на стайки, устроились кто у кухонных стоек, кто — в специальных гостевых зонах. Стало проще огибать толпу: не выпуская из рук стакан согревшегося шампанского, она дрейфовала по дому с таким видом, будто только что закончила увлекательнейшую беседу и уже направлялась поболтать с кем-нибудь другим. В действительности же — если не считать короткого разговора с Кейшей — единственным человеком, с которым она общалась в тот вечер, была Габи, да и то лишь в машине по дороге туда.

Не успели они выехать на дорогу, как Габи как бы между прочим выдала:

— Я ведь уже говорила, что сегодня придет Джереми?

Анна бросила на подругу строгий взгляд. Габи прилежно сидела на пассажирском сиденье: ладошки на коленях, на губах — ангельски-невинная улыбка. Анна забеспокоилась — не в привычке Габи было говорить сухими фактами. Габи визжала, улыбалась и сыпала конфетти. По любому поводу. Недоброе предчувствие в Анне усилилось.

— Вот как? — удивилась она, стараясь сохранять как можно более непринужденный тон. — А напосми-ка еще разок, кто это? — поинтересовалась она, прекрасно помня, что Джереми был приятелем Ванессы; прекрасно помня, что он был графическим дизайнером с «восхитительной квартиркой» в Бекенхеме.

Анна поняла, что теперь момент, когда эта граната разорвется, был лишь вопросом времени. Вот уже несколько недель кряду Габи как бы невзначай упоминала его имя почти так же часто, как намекала — порой не так уж и мягко, — что Анне пора «двигаться вперед».

Только Анне не хотелось двигаться вперед. Она была не готова.

Но сколько бы тысяч раз она это ни повторяла, на Габи это, очевидно, не действовало. И вот она, еле сдерживая улыбку, пробиралась к ней по переполненной кухне с каким-то мужчиной на буксире.

Теперь все встало на свои места. Весь вечер Габи заботила вовсе не собственная личная жизнь.

Анна попыталась куда-нибудь улизнуть, но дороге ей преградила стайка сотрудниц ванессиногo салона красоты, все в блеске украшений и буйстве красок — сущие экзотические птахи. Они облюбовали стеклянный холодильник, битком набитый шампанским, и, по всей видимости, не собирались его покидать.

— Я уже думала, что совсем тебя потеряла, — расплылась Габи в одной из своих фирменных улыбочек в стиле Джулии Робертс.

Анна окинула взглядом стиснутого в руках подруги мужчину, который, надо сказать, не разделял восторга Габи от предстоящего знакомства.

— Это Джереми! — объявила Габи. Ее торжественным тоном впору было разве что объявлять лауреатов «Оскара». Высокий светловолосый Джереми оказался обладателем острых скул, напомнив Анне детектива

в одном шведском криминальном сериале, который она сейчас крутила на «Нетфликсе».

— Помнишь, я тебе про него рассказывала?

Анна бросила на Габи хмурый взгляд. Серьезно? Ты вот так себе это представляешь?

Ничуть не смутившись, Габи осадил ее взглядом «не порти план!» и продолжила:

— Помнится, ты говорила, что хочешь заняться солевой. Так вот, Джереми ходил на занятия в Общественном центре. И может тебе все о них рассказать.

Тут Габи понадобилось непременно пополнить бокалы гостей, и она поспешила на поиски шампанского в противоположном направлении от набитого им холодильника. В смущенном одиночестве Анна и Джереми остались глядеть друг на друга.

— Привет, — вздохнув, улыбнулась Анна.

Да, она не горела желанием заводить знакомства, но и грубить не собиралась. А потому, когда между ними все же начала завязываться робкая беседа, она предпочла умолчать, что сольса была идеей Габи — хоть что-то, чтобы вытащить Анну из дома. Хоть что-то, чтобы она отвлеклась от своих мыслей. До этого был разговорный итальянский. А еще раньше — литье серебряных украшений. Были даже треклятые курсы автомеханики.

Так они и беседовали на кухне уже с полчаса. Анна нашла его довольно милым. Не слишком заикливший на себе. Не скучный. Габи явно застала его врасплох своей неуклюжей попыткой сводничества. Как умел, он безуспешно пытался это скрыть. Отчего нравился Анне даже больше. Он предложил выйти на свежий воздух. Она согласилась.

— Так как же ты стал таким экспертом по сольсе? — поинтересовалась она, когда они вышли на террасу, откуда открывался вид на безукоризненно чистый сад.

Джереми поморщился:

— Ну, экспертом я бы себя не назвал.

— Разве? А сколько ты занимался?

Он потер ладонью лицо и рассмеялся. Анна отметила, что у него приятная улыбка. В его глазах что-то мелькнуло — что-то теплое, искреннее.

— В том-то и дело... я ходил всего несколько раз, и то потому, что моей сестре очень хотелось, а ее муж наотрез отказывался.

Анна тоже рассмеялась. Это был не залиvistый, разбирающий смех, скорее тихий смешок, но одно это так ее поразило, что она почти сразу умолкла. Этот звук был чуждым для ее ушей, и это легкое подрагивание плеч такое непривычное. Сколько прошло с тех пор, как она смеялась последний раз? Ей бы хотелось ответить «дни», но это было бы наглой ложью. «Недели» — пожалуй, тоже небольшое лукавство.

Может быть, она так увлеклась беседой с этим приятным молодым человеком, потому что вдруг осознала, что не просто стоит рядом, улыбаясь и кивая впопад, а отвечает, делясь крошечными обрывками сведений о себе самой. Может быть, потому, когда он рассказал ей о занятиях сальсой и признался, что готов снова на них отважиться, если ей вдруг захочется их посетить и нужна будет компания, она сказала, что подумает.

Разговор плавно переходил на новую тему, и ей вдруг подумалось: «А Габи не промах! Отличный выбор!» В другой жизни, в другом мире, у нее внутри уже порхали бы бабочки от одной только мысли о том, чтобы потанцевать с Джереми, взять его за руку, почувствовать тепло его ладоней во время движения. Они стояли, облокотившись на перила террасы. Джереми не упускал возможности на нее взглянуть, а она всякий раз чувствовала в животе нежный трепет крылышек.

Но Анна знала, что этот трепет ничего не значит. Бабочки долго не живут, а учитывая мороз, крепчавший в глубинах ее души, этим оставалось жить совсем мало. Околевшие трупики, бедолаги.